

*Правительственное Ведомство
1885 г. № 8.*

КИРГИЗЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

I.

Съ подчиненiemъ киргизовъ русской власти, не сопровождавшимся для нихъ ни малѣйшимъ стѣсненiemъ въ образѣ жизни, эти кочевники естественно должны были войти въ мирныя сношения съ покорившимъ ихъ народомъ. Та i» сношения оказались для нихъ не безвыгодными, а этъ безъ сомнѣнія, и служило скорѣйшему ихъ примиренiu съ новымъ положенiemъ.

Въ исторiи едва-ли встречаются примиры подобнаго выгоднаго положенiя, которое было бы предоставлено покоренному народу. Хотя верхъ всее право на землю въ киргизскихъ кочевьяхъ принадлежитъ Государству, но земли, которыхъ были заняты стойбищами киргизовъ, предоставлены въ непосредственное ихъ пользованiе, смотря по количеству скота и размѣрамъ хозяйства, съ дозволенiемъ уступать свои участки или ихъ части въ пользованiе русскихъ поселенцевъ по добровольному соглашенiю. Тимъ правомъ киргизы охотно пользуются, отдавая въ аренду русскимъ поселенцамъ свои излишнiе участки, и даже сами приглашаютъ желающихъ селиться на нихъ, находя, конечно, аренду для себя выгодною. Помимо арендной платы, близкое сосѣдство русскихъ поселенцевъ представляетъ для нихъ значительныя выгоды, заключающiяся въ обмѣнѣ продуктовъ ихъ скотоводства на необходимые имъ предметы. Можно сказать, что киргизы поставлены какъ бы въ привилегированное положенiе по отношенiю къ русскимъ поселенцамъ.

Сближенiе съ русскимъ населенiemъ и дѣйствiя администрацiи, направленный къ преслѣдию вредныхъ сторонъ киргизскихъ нравовъ, какъ конокрадство и барышта (угонъ скота и лошадей), не могли не повлиять на развитiе между ними гражданственности и на измѣненiя ихъ быта, приближающiя ихъ къ условiямъ жизни, свойственнымъ осѣдлому населенiю. Эти измѣненiя сдѣлялись замѣтными особенно въ послѣднее десятилѣtie и, безъ сомнѣнiя, представляютъ явленiе, которое не можетъ быть не отмѣчено въ исторiи развилия этого кочевого народа.

Киргизы, какъ известно, ведутъ кочевую жизнь, занимаясь преимущественно ското-

водствомъ, которое составляетъ единственный источникъ ихъ существованія. Богатство и довольство киргиза зависитъ отъ количества принадлежащаго ему скота. Самый же надзоръ за стадами не требуетъ усиленного труда и большихъ хозяйственныхъ заботъ, которые заключаются, главнымъ образомъ, въ выборѣ мясть, смотря по времени года, для пастбищъ, такъ какъ скотъ продовольствуется подножнымъ кормомъ круглый годъ. Такой образъ жизни пручилъ киргизовъ къ бездѣйствію и лѣни, свойственнымъ бочевникамъ. Только страсть къ увеличенію своего стада, какъ источника благосостоянія, пробуждала въ киргизовъ энергию, выражавшуюся въ угонѣ чужаго скота и конокрадствѣ. Этотъ главный порокъ киргизовъ, нанося существенный ущербъ и разореніе русскимъ поселенцамъ, трудно поддавался, по мястнымъ условіямъ, преслѣдованию и оставался, въ большинствѣ случаевъ, безнаказаннымъ. Но въ послѣдніе годы какъ барынта, такъ и конокрадство, стали уменьшаться. Барынта строго наказывается русскими законами, и теперь случается весьма рѣдко; конокрадство съ 1883 года подверглось особому преслѣдованію. Для прекращенія этого зла, подыскивающаго въ самомъ корѣ хозяйства казаковъ и крестьянъ, преняты особыя энергическія мѣры, заключающіяся въ производствѣ немедленнаго взысканія за украшенныхъ лошадей съ общества тѣхъ ауловъ, къ какимъ подойдетъ слѣдъ похищенныхъ лошадей и не будетъ отведенъ въ другое място; причемъ, въ случаѣ несостоительности аула взысканіе должно падать на цѣлую волость. Этю мѣрою конокрадство, сделавшись промысломъ невыгоднымъ, замѣтно прекратилось.

Заботы мястной администраціи, предпринятые въ послѣднее время, по развитію земледѣлія между киргизами, для чего ассигновано по 1.000 рублей на каждый уѣздъ съ цѣлью приобрѣтенія желѣзныхъ плуговъ и другихъ земледѣльческихъ срудинъ, до сихъ поръ дали нѣзначительные результаты. Хотя во многихъ мястностяхъ области киргизы заявили желаніе заниматься земледѣліемъ и для изученія этого труда приглашаются на свои земли крестьянскихъ поселенцевъ, но въ большинствѣ случаевъ, этимъ прокрываются у нихъ соб-

ственное желание отдачи въ аренду излишнихъ земель. Состоятельные киргизы, имѣющіе отъ ста до нѣсколькихъ тысячъ лошадей, тысячи и десятки тысячъ барановъ, естественно предпочитаютъ скотоводство, отъ которого они получаютъ такія значительныя выгоды, какихъ не можетъ дать имъ земледѣліе, въ особенности на первыхъ порахъ. Только между бѣдными киргизами, для которыхъ земледѣліе дѣйствительно можетъ служить источникомъ довольства, но начинаетъ прививаться.

Правительственныи Ведомости
1885 № 9.

КИРГИЗЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ *).

П.

Болѣе успѣха замѣчается у киргизовъ въ улучшениіи устройства зимнихъ жилищъ и помѣщеній для скота. Киргизы большую часть года проводятъ въ войлочныхъ юртахъ, и только на зиму переселяются на зимовки, гдѣ богатые имѣютъ деревянные или кирпичные дома, построенные на манеръ русскихъ; остальные живутъ въ землянкахъ. На зимовкахъ устроиваются для скота особыя крытыя помѣщенія, огороженные плетнемъ, обмазаннымъ глиною; въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ ограду дѣлаютъ изъ дакаго камня, или же просто изъ земляныхъ пластовъ. Замѣчается также нѣкоторое улучшеніе въ отношеніи опрятности киргизовъ. Ихъ зимовки содержатся повозможности въ чистотѣ, къ чему призываютъ ихъ религіозные обряды ежедневнаго пятикратнаго моленія и омовенія. Бань у нихъ нѣтъ, но они моются въ зимовкахъ, гдѣ бываетъ необыкновенно тепло. Въ землянкахъ нынѣ стали устраивать печи изъ обыкновеннаго кирпича съ трубою; въ другихъ же также изъ кирпича выводится родъ камина (чувалъ), отапливаемый кизякомъ. На верху такой землянки съ чуваломъ дѣлается отверстіе для дыма, закладываемое кашмой. Въ оконныхъ рамахъ вставляется брюшнина, или стекло; по стѣнамъ землянки устроиваются нары для спанья. Кухни (чучала) для варки пищи строятся отдельно отъ землянокъ. Въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ, въ зимовкахъ большою частію возведены деревянные дома со всѣми приспособленіями, и видъ такой зимовки мало чѣмъ отличается отъ русскаго селенія средней заѣжиточности. Обширныя помѣщенія для скота киргизы устроиваютъ съ большимъ стараніемъ, дабы укрыть свои стада отъ непогоды и бурановъ.

Рѣзкое время киргизы вообще мало заготовляли корма для скота. Ихъ табуны обыкновенно и зимою пасутся на степи, разгребая копытами снѣгъ и питаясь травою, которая подъ снѣгомъ сохраняетъ свою свѣжесть и сочность. Но бываютъ годы, когда послѣ обильныхъ осеннихъ дождей быстро наступаютъ морозы и земля покрывается толстою ледяною корою, которую не въ силахъ пробить своими копытами даже лошади. Въ такие годы гололедица опустощаетъ степь сильными паде-

жами скота, кабъ, напримѣръ. въ зиму 1879 и 1880 годовъ, когда въ одномъ Акмолинскомъ уѣздѣ отъ безкорницы, вслѣдствіе гололедицъ, пала почти половина всего числа лошадей и болѣе четвертой части рогатаго скота и барановъ, что, по приблизительному исчисленію, составляетъ убытокъ болѣе 2-хъ милл. руб. по одному уѣзду. Этотъ горькій опытъ заставилъ киргизовъ обратить вниманіе на заготовленіе запасовъ сѣна на зиму, которые, однако, расходуются ими лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда скотъ самъ не можетъ добыть себѣ корма.

Замѣчается также улучшеніе въ отношеніи народнаго здравія. Киргизы больше всего страдаютъ накожными болѣзнями и оспой. Предохранительную мѣрой отъ послѣдней является и олигѣвѣе больныхъ и осопрививаніе. Послѣднее еще мало распространено между киргизами, но не вслѣдствіе недовѣрія, которое они прежде къ нему питали, а по отсутствію врачебной организаціи въ степи.

Въ пищѣ и одеждѣ киргизы мало разборчивы, хотя между молодыми джигитами встрѣчаются щеголи въ красивыхъ шелковыхъ бешметахъ, съ дорогою насычкою на оружіи и сѣдлѣ. Лѣтомъ киргизы питаются кумысомъ и мясомъ—бараниною и кониною, хлѣба почти не употребляютъ; зимою же молочными скопами, приготовляемыми въ разныхъ видахъ (куртъ, ремшикъ), похлебкою изъ ржаной муки (баламыкъ), мясомъ лошадей и барановъ, которое приготавляется въ разныхъ видахъ. Въ богатыхъ семьяхъ приготавляютъ особый видъ прѣснаго пшеничнаго, или крушчатаго хлѣба, поджареннаго въ салѣ (баурсакъ), и жареный въ маслѣ творогъ (коспа). Въ послѣднее время входитъ въ употребленіе и печенья хлѣбъ, который, за неимѣніемъ дрожжей, пекутъ въ горячей золѣ прѣснымъ.

III.

Въ религіозномъ отношеніи киргизовъ нельзя назвать истинными магометанами. При кочевомъ образѣ жизни и безграмотности, они преимущественно сосредоточиваютъ свои религіозныя понятія на слѣпомъ соблюденіи обрядовъ; но въ послѣдніе годы и въ этомъ отношеніи киргизы измѣнились. Со времени покоренія Туркестана, въ степи начали появляться мусуль-

манскіе имамы и дервиши изъ Бухары и Туркестана, просвѣщая невѣжественныхъ кочевниковъ въ дѣгматахъ магометанскаго закона и обучая дѣтей татарской и арабской грамотѣ. Но таѣ какъ эти проповѣдники заявили себя весьма корыстными, то не могли имѣть на кочевниковъ значительнаго вліянія, и вскорѣ почти совсѣмъ исчезли изъ области. Нынѣ киргизы не довѣряютъ и мулламъ изъ татаръ, а стараются имѣть таксовыхъ изъ своего народа, знающихъ татарскую и арабскую грамоту. При такомъ духовномъ настроеніи киргизовъ, на нихъ мало вліяютъ появляющіеся пропагандисты религіозныхъ вѣроученій. Доказательствомъ тму служитъ послѣдняя пропаганда выходца изъ Туркестана Ауза, привлекшаго къ себѣ сначала значительное число поклонниковъ, избравшихъ для моленія особое мѣсто въ степи и устроившихъ мечеть; но такъ какъ и этотъ проповѣдникъ больше всего обращалъ вниманіе на свои выгоды и не только принималъ отъ киргизовъ приношенія скотомъ и деньгами, но даже требовалъ ихъ, то вскорѣ народъ отвернулся и отъ него.

Менѣе всего измѣненіе коснулось положенія киргизской женщины и вообще семейнаго быта. Положеніе женщины у киргизовъ довольно тяжелое: она готовятъ пищу, дѣлаютъ армячину для одежды, кошмы и арканы для юртъ, заготовляютъ на зиму топливо; при перекочевкѣ съ одного мѣста на другое на нихъ возлагается снятие юртъ (кибитокъ) и постановка ихъ на новыхъ мѣстахъ. Само собою разумѣется, что воспитаніе дѣтей лежитъ на ихъ же обязанности. Такимъ тяжелымъ трудомъ киргизская женщина какъ бы отработываетъ калымъ, который уплачено за нее при выходѣ замужъ. Киргизы большою частью имѣютъ по одной женѣ и только богатые, по мѣрѣ достатка, приобрѣтаютъ двухъ и трехъ. Старшая по времени замужества жена пользуется всеми правами хозяйки; дѣти отъ всѣхъ женъ имѣютъ одинаковыя права наслѣдства, кромѣ младшаго сына отъ первой, или болѣе любимой жены, который обыкновенно при жизни отца надѣляется имуществомъ въ большемъ противъ другихъ размѣръ. За послѣднее время начинаютъ появляться у киргизовъ и духовныя завѣщенія, а также опекунскій надзоръ за имуществомъ несовершеннолѣтнихъ, по распорядженію волостныхъ управителей.

Правительственный Вестник
1885 № 13.

КИРГИЗЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ *).

IV.

Образование между киргизами стоит на низкой степени развития, несмотря на значительное число киргизскихъ школъ. Въ степи и по городамъ при каждой мечети и почти въ каждомъ аулѣ содержатся школы; эти школы частныя и находятся въ всякаго надзора администраціи. Учителями въ нихъ состоять муллы изъ татаръ, или грамотные киргизы. Проучившись пять, шесть и болѣе лѣтъ, киргизские мальчики выходятъ оттуда съ знаніемъ татарской грамоты, умѣютъ читать коранъ, написанный по арабски; нѣкоторые же, по выходѣ изъ школы, продолжаютъ ученіе для ознакомленія съ персидскимъ языкомъ. За послѣднее 10-ти-лѣтіе грамотность стала появляться и между женщиными, но также вращается лишь въ сферѣ духовнаго обученія и притомъ только въ зажиточномъ классѣ.

Несравненно болѣе значенія въ образовательномъ отношеніи имѣютъ русскія школы для киргизскихъ дѣтей; таборы—киргизская школа въ г. Омскѣ и десять интернатовъ, по одному мужскому и по одному женскому при каждомъ изъ пяти уѣздныхъ управлений въ области. Всѣ эти школы содержатся на счетъ киргизскихъ обществъ; на ихъ же средства устроены для мужскихъ интернатовъ собственный лѣтнія помѣщенія за городомъ, посвящія название фермы. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, киргизские мальчики въ русскихъ школахъ обучаются ремесламъ: токарному, столярному, слесарному, кузничному и сапожному, а девочки — разнымъ рукодѣльямъ и поваренному искусству. Въ лѣтніе времена мальчики переселяются на фермы, гдѣ, подъ руководствомъ опытныхъ людей, изучаютъ хлѣбопашество и огородничество. Особенно хорошо въ интернатахъ идутъ ремесла, которыми мальчики занимаются съ большою охотою и успѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ, напримѣръ, въ Петропавловской, ремесленное производство и исполненіе частныхъ заказовъ доставляютъ нѣкоторый доходъ, окупая въ тоже время всѣ материалы, употребляемые для обучения. Издѣлія кокчетаевскаго женскаго интерната, представленныя на тенгинскую выставку 1880

года, были удостоены награждения большою серебряной медалью.

Интернатскія фермы еще не достигли хорошаго состоянія и не приносятъ пока никакого дохода. Тѣмъ не менѣе, постоянная заботливость о благосостояніи интернатовъ и безкорыстная преданность дѣлу нѣкоторыхъ ихъ содержателей несомнѣнно доведутъ до хорошаго состоянія и производство фермъ.

Въ началѣ, устройство русскихъ интернатовъ для дѣтей кочеваго населенія было встрѣчено болѣшимъ недовѣріемъ со стороны киргизовъ, которые неохотно отдавали въ эти школы своихъ дѣтей; съ теченіемъ же времени, видя успѣшное изученіе дѣтьми русской грамоты и разговорнаго языка, что между киргизами, особенно въ торговомъ и промышленномъ классѣ, составляетъ крайнюю необходимость, кочевники отрѣшились отъ своего первоначальнаго предубѣжденія и теперь охотно помѣщаютъ дѣтей въ мужскіе интернаты; въ женскіе же поступаютъ только дѣти бѣднѣйшихъ родителей.

Можно ожидать, что приобрѣтенные въ этихъ школахъ ремесленныя знанія киргизы разнесутъ въ степь и тѣмъ будутъ содѣствовать развитію и усовершенствованію ремесленныхъ производствъ среди своего народа.

Издѣльная промышленность у киргизовъ развита крайне слабо, но тѣмъ не менѣе она имѣеть весьма важное значеніе. Нѣкоторыя издѣлія киргизовъ, какъ, напримѣръ, войлоки или кошмы и армячина, поступаютъ въ значительномъ количествѣ въ торговлю. При отсутствіи техническихъ знаній, издѣльная промышленность киргизовъ ограничивается первобытными орудіями и способами производства, причемъ ихъ продукты выдѣлываются медленно и своеобразно. Мѣстная администрація приняла на себя заботу поднять уровень этой промышленности посредствомъ ознакомленія съ усовершенствованнымъ производствомъ кустарныхъ издѣлій и заимствованія у русскихъ сподручныхъ приемовъ обработки. Для этого, она признала наиболѣшими средствомъ устраивать особаго рода выставки въ мѣстахъ пребыванія уѣздныхъ начальниковъ, соединивъ ихъ съ киргизскими праздниками или байгами.

По древнему обычью, на байгахъ, устрои-

ваемыхъ по поводу браковъ, поминокъ и другихъ торжественныхъ случаевъ, происходятъ скачки лошадей на призы, разныя народныя забавы и угощеніе.

На офиціальныхъ байгахъ происходитъ раздача киргизамъ наградъ за заслуги, угощеніе, на которое они очень падки, и устроиваются скачки на призы, развивающія въ нихъ наѣздничество и побуждающія ихъ заботиться объ уходѣ за лошадьми. Всѣ прочія увеселенія, поддерживающія грубость нравовъ и дикие инстинкты, замѣнены новымъ для киргизовъ зрѣлищемъ, заключающимся въ выставкѣ разныхъ промышленныхъ и хозяйственныхъ произведеній. На выставкахъ въ широкихъ, разставленныхъ полу кругомъ юртахъ размѣщаются разныя киргизскія и однородныя съ ними русскія издѣлія, причемъ производится и самая ихъ обработка, чтобы киргизы могли наглядно убѣдиться, въ какой степени сподручны такія рабочія орудія, какъ токарный станокъ, самопрялка, швейная машина и проч., и на сколько русскіе усовершенствованные приемы обработки идутъ успѣшнѣе, нежели первобытные киргизскіе. Эти выставки не прошли безслѣдно: киргизскіе кустари или вполнѣ приняли нѣкоторыя русскія орудія для своего производства, или же приспособили ихъ къ своему кочевому быту такъ, чтобы они разбирались по частямъ для выючной перевозки.

Насанъ-Бай.

Рассказъ изъ жизни кочевого народа Туркестана.

Далеко за Ураломъ на востокъ, тамъ, гдѣ Мугажарскія горы сливаются съ необозримыми степями, а послѣднія теряются въ сыпучихъ, жгучихъ и страшныхъ для всего живаго пескахъ, а эти въ свою очередь ведутъ безпрерывную войну съ необъятными степями и многочисленными озерами, болотами и рѣками, гдѣ воды берутъ свое начало чуть не съ самой границы Китая, въ горныхъ массивахъ восточного Туркестана,—на берегу одной изъ большихъ азіатскихъ рѣкъ Сыръ-Дары, кочевало когда-то киргизское племя рода Ходжа, подъ тяжелымъ управлениемъ своего атакмара *), по имени Даулеть-Кула. Управляя своимъ народомъ много лѣтъ, за это время онъ нажилъ большое богатство, которое у кочевниковъ заключается: въ верблюдахъ, лошадяхъ, баранахъ и многихъ юртахъ изъ бѣлой кошмы. Въ жены онъ себѣ набралъ самыхъ красивыхъ девушекъ своего народа, столько, сколько позволялось по религиозному уставу магометанъ, то есть семь женъ. По характеру Даулеть-Куль былъ скрѣпъ, жаденъ и золь, а поэтому въ захватѣ себѣ всякаго добра отъ подчиненного народа былъ неумолимъ. Не имѣлъ онъ ни совѣсти, ни стыда, ни страха передъ высшимъ Богомъ и ханомъ и людьми. Жилъ такъ долго, лѣтъ восемьдесятъ, скопляя все, что только видѣлъ его глазъ и слышали уши; если онъ слышалъ, что у такого-то киргиза есть новинка, которой у Даулеть-Кула нѣть, то уже она должна

быть у него.

Въ соглядатахъ и ишайкахъ у него недостатка не было. Судьбою ему во всемъ дѣлѣ и злыхъ намѣреніяхъ ни кого не было, такъ какъ въ то темное время киргизскіе ханы вели между собою частыя распри и вѣйны и ни въ какія родовыя дѣла подчиненныхъ своихъ вассаловъ не вступали, а тѣмъ болѣе дѣла аульные; каждый атакмаръ управляя своимъ народомъ, властствуя надъ подчиненными людьми отъ жизни до смерти на правахъ того же хана орды, а послѣднему ежегодно въ праздникъ Разаманъ возилъ исправно установленную дань въ разныхъ цѣнностяхъ.

Въ подчиненіи Даулеть-Кула былъ одинъ молодой киргизъ, по имени Насанъ. Сначала онъ жилъ въ бѣдной своей семье, а по смерти отца ушелъ на чужую сторону и сдѣлался пастухомъ стадъ барановъ у одного честнаго киргизскаго муллы.

Долго Насанъ охранялъ стада своего патрона, лѣтъ двадцать, и за это время изъ мальчика выросъ въ возможнаго джигита. За все время своего пастушества стадъ у муллы, Насанъ много прирастилъ барановъ и козъ, такъ что хозяинъ и счетъ потерялъ имъ. Никогда Насанъ не позволялъ себѣ утаить отъ своего хозяина приrostъ животины, какъ это дѣлаютъ многие изъ пастуховъ;—сами продадутъ молодаго или стараго барана или козла, а хозяину говорять: „пропалъ или волки сѣли“,—этого за Насаномъ не водилось.

Богатый и добродушный мулла, зная честную службу Насана развесною говорить ему:

— Насанъ, ты давно служишь у меня и я о тебѣ кромѣ хорошаго ничего дурнаго не знаю. Ты уже вышелъ изъ годовъ юноши, необходимо быть и самому хо-

*) Управитель народомъ.

зяиномъ. Знай, что Богъ такъ устроилъ міръ и жизнь людей, чтобы какъ люди, такъ и животные и растенія не жили-бы безъ-слѣдно на землѣ, а производили бы такіе-же приплоды, какъ и сами. Въ этомъ заключается вся разумная жизнь. Даю тебѣ весь приплодъ въ эту весну отъ ста головъ разнаго скота, и все что уродится—будетъ твоя собственность для новаго хозяйства. А ты по-заботься пріискать по своему желанію и жену себѣ.

— О калымъ тебѣ тоже нечего беспокоиться, это дѣло будеть мое, и я отдамъ все то, что по уговору за невѣсту положатъ ея родители.

Насанъ-бай выслушалъ добрую рѣчь муллы, поблагодарилъ его и принялъся наводить справки о честныхъ и умныхъ дѣвушкахъ въ сосѣднихъ аулахъ.

Поиски Насана были недолги. Онъ слышалъ, что въ недальнемъ аулѣ Сарымсакъ, есть дочь у бѣднаго киргиза Ишь-Мурата, по имени Маджарумъ, не очень хорошенькая и недурная, и потому только не нашла себѣ жениха, что дочь бѣднаго отца. И вотъ въ этотъ аулѣ Насанъ и рѣшился съѣздить въ одинъ день къ вечеру, чтобы успѣть къ закату солнца попасть на колодецъ Сарымсакъ, такъ какъ въ это время во всѣхъ аулахъ киргизскія дѣвицы выходятъ за водой, гдѣ проводятъ время часъ—другой, обмѣниваясь со своими подругами разными новостями. И тутъ-то Насанъ надѣялся увидѣть намѣченную невѣсту, самымъ невиннымъ и секретнымъ манеромъ, попросивъ напоить лошадь.

Этотъ способъ у киргизъ примѣняется очень часто при смотринахъ избираемыхъ дѣвушекъ въ жены. А когда уже молодые люди познакомятся между собою и ежели къ ихъ сожительству

встрѣчаются въ чемъ либо препятствія, то женихъ, тогда подговариваетъ нѣсколькихъ молодцовъ и увозить невѣсту тайкомъ. Но этотъ способъ сталъ выводиться, а болѣе уже идетъ сватовство и уговоры въ такихъ дѣлахъ выплаты выговоренного выкупа, т. е. калыма. Уговоръ венчается съ обоихъ сторонъ стариками и скрѣпляется свидѣтельской пирушкой, на которую собирается весь ауль. Сватовство, иногда, между киргизами завязывается очень рано—7—8-лѣтнихъ дѣтей женскаго пола уже связываютъ брачнымъ союзомъ; калымъ-же выплачивается въ такихъ случаяхъ до возврата невѣсты—женихомъ и его родными небольшими частями.

Въ избранный день Насанъ живо осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ на смотрины будущей своей подруги жизни. По пріѣздѣ на колодецъ аула Сарымсакъ, Маджарумъ ему приглянулась. Перемолвившись съ ней нѣсколькими словами и по возвращеніи въ домъ хозяина муллы, онъ заявилъ свой выборъ. Послѣдній сказалъ ему:

— И отлично ты дѣлаешь, что выборъ твой паль на дочь бѣдныхъ родителей и я не замедлю послать къ нимъ вѣрнаго „яучи“ *) съ формальнымъ предложеніемъ. Тутъ-же мулла позвалъ къ себѣ одного киргиза, по имени Букенбая, который не замедлилъ прійти въ „мимъ-хану“ **), къ мулѣ, съ обычными привѣтствіями „салламъ - алликумъ“ ***), сѣли на кошму одинъ противъ другаго и повели разговоръ.

Мулла обратился къ гостю Букенбаю:

— Я имѣю до тебя очень важное дѣло; надѣюсь, что ты выполнишь его?

*) Посланникъ. **) Гостинная юрта.

***) Доброго здоровья.

— Многоуважаемый мулла, въ этомъ ты не можешь сомнѣваться. Буканбай тебѣ извѣстенъ до послѣдняго ногтя и все, что въ его умѣни и силахъ,—онъ сдѣлаетъ.

— Погому-то я и довѣряю тебѣ. Но слушай: завтра будешь вторникъ, ты поѣзжай въ кечеество яучи въ ауль Сарымсакъ, въ домъ Ишь-Мурата, у которого есть дочь Маджарумъ, устраивай дѣло по сватовству въ замужество за Насана. Упомани, что отъ меня, вотъ и халать Ишь-Мурату,—подаль мулла новый адресовый халать, лежавшій въ „керегахъ-юрты“ ^{*****)} посланцу.

— Понимаю, многоуважаемый мулла,—сказалъ Буканбай.

— Да желательно было бы въ пятницу на этой недѣль „туссертой“ ^{*****)} устроитъ

— Итакъ съ Божьей помощію устраивай все, что я говорилъ,—сказалъ мулла.

Буканбай всталъ, сложилъ руки на животъ, какъ того требовалъ этикетъ киргизской вѣжливости и, пятаясь, вышелъ изъ юрты муллы.

На другое утро Буканбай поѣхалъ „яучемъ“ къ Ишь-Мурату по порученному дѣлу, сватовства дочери Маджарумъ за Насана.

День выдался ясный и теплый; въ пути задержки не было.

Подѣзжая къ юртѣ отца невѣсты, Букенбай по принятому обычаю привязалъ лошадь къ приколу около юрты и подойдя къ двери произнесъ обычную фразу: „Есть-ли кто въ домѣ изъ хозяевъ, я желаю говорить съ ними по дѣлу!“

На его зовъ отозвались жена и дочь Ишь-Мурата, а послѣдній былъ въ соедняхъ.

Послѣ обычного привѣтствія и

^{*****)} Стѣнки каркаса.

^{*****)} Форменный говоръ.

пожеланія вѣсьмъ доброго здравья, невѣста вышла за отцомъ. По приходѣ послѣдняго Букенбай завсѣль съ нимъ разговоръ о здравьѣ, прибыли барановъ и всячаго добра, а потомъ перешелъ и къ порученному дѣлу.

Въ такихъ вопросахъ, какъ сватовство, среди киргизъ принято выражаться аллегорически, переводя дѣло на болѣе любящихъ амуры птицъ.

— У васъ есть голубка, а у меня кречеть.

Ишь-Муратъ понялъ сначала о чёмъ завязалась рѣчь и насторожился слушать.

— Въ чье гнѣздо надо голубку?—и узнавши отъ кого яучи прїѣхалъ, справился о здоровье и дѣлахъ послѣдняго. Когда-же Букенбай вынулъ изъ „курсума“ ^{*)} адресовый халать и передалъ его хозяину дома, то послѣдній обратился къ нему:

— Когда-же угодно высокимъ гостямъ пожаловать къ намъ?

— Многоуважаемый мулла ни въ чёмъ недостатка не имѣть; его стада къ вашимъ услугамъ, и ему желательно было бы въ слѣдующую пятницу прибыть на „туссертой“.

— Мы ждемъ дорогихъ гостей,—сказалъ Ишь-Муратъ, а затѣмъ предложилъ гостю закусить „бишмармакъ“ ^{*)} и зеленый чай съ кишмишомъ. И такъ какъ отецъ невѣсты изъ бѣдныхъ киргизъ, то отвѣтнаго халата не могъ дать яучи въ подарокъ, вмѣсто чего предложилъ одного барашка. По заключенію предварительного договора, посланецъ откланялся и уѣхалъ обратно съ вѣстями.

Въ назначенную пятницу мулла съ утра собралъ человѣкъ до де-

^{*)} Перекидная сумма черезъ сѣдло.

^{*)} Бишмармакъ—кусочки баранины и сухая лепешка поджаренная на маслѣ,

сяти почетныхъ лицъ своего аула, нарядившихся въ новые халаты, вмѣтъ съ женихомъ, всей кавалькадой отправились въ аулъ Сарымсакъ. Въ послѣднемъ ихъ ожидали.

По пріѣздѣ въ аулъ, по обычаю, гости не должныѣхать прямо въ домъ отца невѣсты, а остановились въ другихъ юртахъ у знакомыхъ киргизъ, а къ Ишь-Мурату послали Буkenбая извѣстить о своемъ пріѣздѣ.

Ишь-Муратъ оповѣстилъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, разостлавъ кошмы и ковры сколо своей юрты, приготовивъ угощеніе изъ зеленаго чая и лепешекъ, пригласилъ всѣхъ на „туссертой“. Въ то же время женщины готовили „шурпу“ и пилау“ **).

Гости всѣ собрались, усѣлись кружкомъ на кошмѣ. Мулла обратился къ Ишь-Мурату съ рѣчью отдать въ жены Насану дочь свою Маджарумъ. Ишь-Муратъ изъявилъ согласіе. Мулла прочель молитву изъ корана „баты“, затѣмъ стали условливаться о калымѣ.

Отецъ невѣсты не запрашивалъ излишка, а мулла какъ человѣкъ богатый стадами животины—накинулъ на бѣдность нѣсколько головъ сверхъ объявленного числа Ишь-Муратомъ, дѣло скоро закончилось о калымѣ. Стали подавать угощенія: курдюшное сало и печенку, нарѣзанную кусочками; бишмармакъ, пловъ, шурпу и чай съ кишишомъ.

Молодежь въ это же время получивъ козла отъ Ишь-Мурата, пустилась въ скачку „кокъ-бури“. Женщины угощались въ другой юртѣ туземными сладостями: кишишомъ, шепталою, фисташками съ миндалемъ и мѣстною халвою.

Этотъ „достарханъ“, т. е. сладости.

**) Супъ и пловъ.

привезены женихомъ для женской публики. Нашелся и музыкантъ на мѣстномъ инструментѣ „домбра“, родъ трехструнной скрипко - балалайки, на коемъ дѣйствуютъ и переборомъ пальцевъ и смычкомъ, импровизируя на этомъ пѣвучемъ инструментѣ туземные припѣвы, подходящіе обряду.

Цѣлыхъ два дня гости веесились на съадьбѣ Насана въ аулѣ Сарымсакъ, и на третій день веселье перешло въ аулъ муллы, гдѣ то-же не мало съѣли барановъ и другой снѣди. Наконецъ, спустя недѣлю послѣ той свадьбы, молодые переѣхали торжественно на разукрашенныхъ верблюдахъ коврами и нарядными сундуками въ аулъ муллы, гдѣ и установили новый свой домъ-юрту. Послѣ чего Насанъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ муллы и къ нему прибавилось слово „бай“, т. е. хозяинъ,—и также управлялъ стадами своего довѣрителя и своими.

Года два Насанъ съ молодою женою жилъ въ аулѣ, и хозяйство его увеличилось многими головами барановъ и козъ, и не думалъ онъ куда-либо перекочевывать. Но жадный родоначальникъ Даулетъ-куль, узналъ, что его Насанъ теперь не „байгушъ“ *), т. е. нищий, а зажиточный бай, не замедлилъ послать къ нему джигита съ приказаніемъ перѣхать въ подчиненный аулъ, въ районѣ своего рода. Въ случаѣ неисполненія, — угрожалъ насилиемъ, чему ни Насанъ-бай, ни мулла не могъ воспротивиться; да и муллѣ, по условіямъ родовыхъ началь, нельзя было препятствовать переселенію, такъ какъ онъ былъ самъ другого рода киргизской орды, традиціи

*) Бѣдный или нищий.

коихъ охраняются и шарлатомъ и обычаями народа всей азіатской страны.

Собралъ Насанъ-бай свои благопріобрѣтенные пожитки, состоящіе изъ перегорнаго дома-юрты—изъ деревяннаго легкаго каркаса „керегъ“, рѣшетчатаго остова войлока—внѣшней оболочки низа и верха и незатѣйливой домашней утвари кочевника: котла для варки пищи, нѣсколькихъ чугунныхъ кунгановъ или мѣгныхъ, а также турецуковъ для кумыза, молока и воды, и двухъ-трехъ мѣшковъ изъ шерстяной матеріи подъ ячмень, муку, пшено изъ домашняго издѣлія; одѣяль и кошемъ для подстилки на полу юрты и нѣсколько сыромнатыхъ кожъ съ съѣденныхъ барановъ, не успѣвшихъ сбыть скупщику; все это составляеть незатѣйливое домашнее хозяйство и утварьnomada.

Уложивъ весь скарбъ на двухъ верблюдовъ, посадилъ на верхъ выюка на переднемъ верблюду жену и простившись съ самъ со всѣми жителями аула муллы, сѣль верхомъ на степную поджарую лошадку, выѣхалъ въ степь своей родины, гоня впереди своего немногочисленного каравана сотни полуторы головъ барановъ и козъ.

Два дня ъхалъ Насанъ-бай съ своею женою и пожитками по степи, изрѣдко останавливаясь на пути переѣзда на подножномъ кормѣ и водопоѣ своего стада, для чего заѣзжая въ попутные аулы на отдыхъ и ночлегъ въ юртахъ кочевавшихъ родовъ разной орды, разсѣянныхъ по обширной степи, а къ третьему дню, подъ вечерокъ уже, добрался до своего роднаго ауле, подъ управлениемъ атакмара Даулеть-Кула.

II.

Киргизскіе ханы и атакмары, вслѣдствіе поддержанія престижа власти, хотя и кочуютъ на весеннемъ уроцищѣ со своими подданными людьми, но ставки свои юрты, устраиваютъ немного вдали и на отдельно вырытыхъ собственныхъ колодцахъ, лично для своего довольствія и дворни.

Какъ не простъ кочевникъ-номадъ, а бѣлу кость, то есть свое происхожденіе, не рѣшается еще смынивать съ черною народностью „бухары“ или „бишари“, т. е. крестьянъ, ни въ семейныхъ ни въ политическихъ или экономическихъ сдѣлкахъ. Теперь же, съ утратой своего обоянія власти и влиянія на народы кочевыхъ окраинъ они начинаютъ сливаться не разбирая происхожденій со всѣми аборигенами: въ прежнее же время этого не допускалось между породою ханскою, бекскою и простонародной.

Насанъ-бай остановился у юрты своего однородича, и послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о всемъ, что во время его отсутствія произошло перемѣнъ въ ихъ родѣ, въ краткихъ словахъ и по совѣту своихъ бывшихъ одноаульниковъ, оставилъ свой поклонъ Даулеть-Кулу до утра.

Киргизы народъ очень гостепріимный, а гостепріимство ихъ еще до сихъ поръ среди степи не можетъ сравняться съ осѣдлымъ жителемъ селеній и городовъ. Въ послѣднихъ уже господствуетъ духъ наживы и выгодной эксплоатации путника, а у кочевыхъ среди степи обоюдное привѣтствіе во время всякихъ бурь, непогодъ и невзгодъ въ непривѣтливой и грустной пустынѣ, гдѣ только обоюдной помощью и простотой жизнь возможна при трудныхъ неудобствахъ. Разъ прѣхалъ къ нему въ ауль путникъ, то уже просить ночлега

или пищи не придется и даже ухода за скотом. Вся эта обязанность въ силу установившихся въковыхъ традицій, дѣлается без словесно и просто самимъ владѣльцемъ юрты или старшиною аула.

Хозяинъ юрты отдаетъ распоряженіе своимъ женамъ и дѣтямъ, приготовить пищу изъ запасовъ какія имѣются въ домѣ, а также накормить и напоить животину гостя.

Лошадь Насанъ-бая была привязана къ кормежкѣ съ торбою на шеѣ, жевала ячмень; верблюда и стадо было отдано подъ надзоръ мѣстнаго аульного пастуха до утра; и такъ какъ за позднимъ временемъ юрту не успѣли устроить, какъ слѣдуетъ, то временно изъ верха юрты устроили шалашъ и аулъ спокойно погрузился въ ночной сонъ.

Киргизы встаютъ очень рано, вмѣстѣ съ зарею и еще до солнечнаго восхода принимаются за обычное омовеніе, а затѣмъ за чаепитіе и за работу, если она есть у кочевника. Вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ киргизъ заправляется и пищею на цѣлый день до вечера; днемъѣдятъ только исключительно богачи или находящіеся въ дорогѣ, а остальное время дня большинство ничего не єсть, исключая чая, и развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ аулѣ прїезжаетъ какой-либо гость, — тогда готовится шурпа или бишбармакъ, къ которому сходятся мужчины чуть не изъ каждой кибитки всего аула. Это тоже своего рода праздникъ для кочевника.

Днемъ мужчины, большую частью, если дѣла нѣтъ, спятъ или же єздятъ по степи съ соколами на охоту зайцевъ, лисицъ, хорьковъ и такъ далѣе за звѣремъ и дичью. Мѣстами въ аулахъ мужчины цѣ-

лы вечеромъ просиживаютъ въ какой либо юртѣ, слушая разсказы какого-либо бывалаго соратника изъ народной жизни, или же поджавши подъ себя ноги усажутся вокругъ костра, слушая игру бандуриста на трехструнномъ инструментѣ до тѣхъ поръ, пока каждый не заключаетъ носомъ на костеръ и молча уходитъ въ свою юрту спать.

Днемъ женщины и взрослые заняты домашними работами по хозяйству: доятъ овецъ, козъ, верблюдовъ, лошадей; кормятъ молодыхъ ягнятъ, стригутъ барановъ; дѣлаютъ сыръ, айранъ, масло или прядутъ и сучать шерстяныя нитки и бичеву; плетутъ тесьму для обвязки юртъ и на продажу; ткуть грубое сукно, ковры и палацы; шьютъ мѣшки и сумы-куржумы; иногда артельной помощью валяютъ кошмы прямо на пескѣ или стригутъ барановъ.

Бѣлье кочевниковъ большей частью изъ русскихъ фабричныхъ издѣлій изъ тика, бязи и крупноцветныхъ ситцевъ, а у болѣе бѣдныхъ изъ туземно-азіатскихъ грубобумажныхъ матерій изъ хлопка и шерсти. Поль имѣніемъ „мата“, шириной отъ 4 до 7 вершковъ, на подобіе русскаго холста. Послѣднее, бѣлье, кочевникъ мѣняеть не болѣе двухъ разъ въ годъ, т. е. имѣеть только двѣ пары въ теченіи года. Но вая надѣвается въ праздникъ большой Рамзанъ и уже больше не спускается съ плечъ. Богатые только ходятъ въ болѣе опрятномъ бѣльѣ и то лишь въ мѣсяцъ разъ смѣняютъ не болѣе.

Рано утромъ вновь прїезжій житель въ аулѣ, Насанъ - бай, успѣлъ встать и устроить къ 10 часамъ дня юрту. Послѣ чего взялъ изъ своего стада хорошаго барана, поведя его къ поводу, отправился на поклонъ къ атакмаfu Даулетъ-Кулу;

Властелинъ встрѣтилъ новаго данника очень ласково, выйдя изъ юрты на земляную „суфѣ“, подъ единственнымъ деревомъ „сарыталь“ *), которое такъ же старо, какъ и самъ Даулетъ-Куль.

Подъ кроною раскилистаго дерева цѣлое лѣто разосланы камышевые плетенки, родь цыновокъ, на которыхя постлана кошма и старый коверъ мѣстного издѣлія. Мѣсто это бываетъ для всѣхъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ пріемовъ и совѣщаній киргизъ, кои имѣютъ дѣло до управителя.

Послѣ обычныхъ привѣтствій „селямъ-аиликумъ“, и прижатія рукъ къ животу, хозяинъ и гость повели разговоры о житьѣ той и другой стороны, и о здоровье родичей. Но такъ какъ у атакмара мужскаго пола не было, а только нѣсколько дочерей, то онъ пораспросилъ Насанъ - бая и о богачахъ того края откуда прибылъ новый житель, и между прочимъ высказалъ мысль: нельзя ли бы съ кѣмъ тамъ породниться.

Даулетъ-Куль во многомъ измѣнился за это время, да и Насанъ-бай въ глазахъ первого тоже изъ мальчика вышелъ, какъ называютъ киргизы „якши джигитъ“ **). А завязка семьею подъ покровительствомъ уважаемаго муллы, давала и Насанъ - баю болѣе представительства и вѣса даже у жаднаго атакмара Даулетъ-Кула.

Жирный и здоровый баранъ приведенный въ даръ властелину очень размягчилъ его сердце и атакмаръ послѣ немногихъ разговоровъ стукнулъ въ ладоши, тотчасъ-же явился одинъ изъ маляекъ, т. е. служителей, которому и отдано приказаніе подать чай и малое угощеніе „дастарханъ“, т. е. лепешекъ, нѣсколько кусочковъ сахару и кишмишу.

*) Ветла.

**) Наездникъ.

Насанъ-бай былъ польщенъ въ свою очередь со стороны атакмара. Попивъ у него чая и посидѣвъ съ часъ, раскланялся и пошелъ въ свою юрту.

Понятно, въ аулѣ ожидали его прихода и обратились съ разспросами, какъ съ нимъ обошелся атакмаръ.

Затѣмъ потекла обычная жизнь въ аулѣ Даулетъ-Кула въ ожиданіи скораго поста „уразы и большого байрама“, когда вѣсъ мусульмане день постять, а ночь пируютъ, сытно ёдятъ и пьютъ кумысъ, айранъ, молоко и бузу. Послѣдніе припасы истребляются въ уразу и старымъ и малымъ въ самомъ большомъ количествѣ въ теченіи тридцати ночей до новолуннаго дня и цѣлую неделю, день и ночь, при наступленіи праздника „майрамъ“ *)

Буза и кумызъ немного опьяняющіе напитки, въ особенности первый—буза, которая приготавливается изъ особой породы проса и на манеръ закваски пива, замороженная на нѣкоторое время и разведенная кипяткомъ, пьнется, вродѣ нашихъ старыхъ хлѣбныхъ квасовъ. Но только буза употребляется въ питье теплою, на подобіе пивныхъ дрожжей подъ опару хлѣбовъ или блиновъ. Нѣкоторые искусники въ приготовленіи бузы, будто-бы подкладываютъ въ нее небольшое количество опія или кукнера, отъ чего буза становится крѣпче.

Напившись подобнаго рода охмѣляющихъ напитковъ, человѣкъ приходитъ въ такой-же куражъ, какъ будто-бы отъ вина и водки. Иные положительно лыка не вяжутъ послѣ выпитаго кувшина бузы, объемомъ бутылки съ полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Майрамъ и байрамъ одно и то же—день праздника.

она способствует пищеварению и поглощает тело немногого пьющего бузу, какъ и русскозаводское пиво.

Наступила ураза. За тридцатидневный постъ и ночное пирование наголодавшійся народъ утомился, и подъ конецъ сталь уже втихомолку не соблюдать поста и днемъ, съ нетерпѣніемъ стали ожидать новолунія, а съ нимъ и майрама.

Въ большихъ городахъ и селеніяхъ, есть особые люди, которые слѣдятъ когда появится луна на небосклонѣ, и первый кто увидитъ и дастъ объ этомъ знать старшимъ или начальнику осѣдлого пункта, получаетъ въ подарокъ праздничный халатъ и барана, а иногда и жеребенка.

Насанъ - бай находясь много хомъ на лошади, не привыкъ сидѣть пастухомъ у муллы, уже тать версты, а ведеть счетъ на такъ привыкъ къ перемѣнамъ „таши“. Каждый ташъ имѣеть въ лунныхъ фазъ, что впередъ зналъ сеѣ отъ 8 до 10 и даже до 12 когда и на какомъ мѣстѣ небосклона покажется серпъ новолунія. Въ этотъ день подъ ее-черъ онъ сидѣлъ подъ открытымъ лагая въ каждомъ по 8 верстъ краемъ кошмы юрты и наблюдалъ появленія луны на западѣ.

Пришло время и луна показала свои серебристые рога. Замѣтивъ ее Насанъ-бай далъ знать всему аулу, и старшины отрядили отъ себя представителей и пару барановъ, послали съ обычнымъ явлениемъ Насана къ атакмару.

Насанъ-бай, какъ первый увидавшій луну получилъ въ подарокъ абрасовый халатъ и все были угожены большими достарханомъ и кумысомъ. Праздникъ былъ открытъ въ аулѣ официально, послѣ чего жители стали устраивать дневные угожденія и скачки „кокъ-бури“, въ коихъ принималъ участіе и Насанъ-бай, на своеемъ тонконогомъ и горбоносомъ бѣгунѣ.

Какъ новичку поселянину, въ

аулѣ своихъ родичей отца и матери, Насанъ - баю необходимо было въ праздникъ израсходоватьсь на трехъ барановъ и одного козла для джигитовъ на „кокъ-бури“.

Аулъ родичей Насанъ-бая во время праздника вызвалъ на состязаніе въ наездничество и съѣдніе аулы, а также и аулы другихъ киргизскихъ родовъ степи, управляемыхъ другими ханами и атакмарами.

Орда атакмара Даулетъ - Кула считала въ себѣ до 700 кибитокъ, а по этому району атакмарства былъ величиною въ странствіе занимаемомъ аулами Даулетъ-Кула верстъ на тридцать въ квадратѣ.

Кочевникъ, сидя постоянно верхомъ на лошади, не привыкъ сидѣть пастухомъ у муллы, уже тать версты, а ведеть счетъ на такъ привыкъ къ перемѣнамъ „таши“. Каждый ташъ имѣеть въ лунныхъ фазъ, что въ теченіи дня верхомъ можно сдѣлать восемь „ташъ“, почетыре версты съѣздить въ гости, поѣсть баранины, или плова или поскакать въ „кокъ-бури“. Это у него считается обычнымъ перѣздомъ хотя бы за шестьдесятъ четыре версты съѣздить въ гости, поѣсть баранины, или плова или поскакать въ „кокъ-бури“.

„Ташъ“ ничто иное, какъ камень, которымъ отмѣчаются въ горныхъ мѣстахъ между проѣзжими разстоянія. Напримеръ: сопка отъ сопки, пикъ отъ пика, ущелье отъ ущелья и такъ далѣе, и это разстояніе вошло въ обычное название мѣры „ташъ“, но точности не имѣющей; а такъ какъ въ степи горъ не имѣется, то за таши взяты, приблизительно къ этой примѣрной мѣрѣ, разстояніе между колодцами и сопками если таковые имѣются и другое естественные признаки.

Само собою разумѣется, киргизы, разъѣзжая во время праздника на „кокъ-бури“ по всѣмъ ауламъ и родамъ степи, куда только въ состояніи занести степной конь, не обошлись въ азартномъ состояніи наездничества безъ дракъ, увѣчий и убийствъ. Изъ-за послѣднихъ, какъ извѣстно, у азатовъ начинается тяжба „о кунѣ“ *), т. е. о денежной платѣ, за убитаго. И въ случаѣ не соглашенія оканчивается споръ поголовной войною одного рода на другой.

Въ одну изъ бѣшеныхъ скачекъ „кокъ-бури“ за наездникомъ изъ партіи атакмара Даулеть-Кула, увезшаго козла, противникъ при настиженіи былъ въ азартѣ раненъ въ голову здѣрвой, переплетенной проволокою, „камчю“ — плетью.

Джигитъ, получившій ударъ въ голову, въ тотъ же день умеръ на полѣ „кокъ-бури“.

Совѣршившійся фактъ былъ переданъ на судъ старшинъ потерпѣвшей сторонѣ рода, которые постановили: истребовать „кунъ“ съ рода Ходжа, атакмара Даулеть-Кула, за смерть своего „джигита“, тысячу барановъ, триста верблюдовъ и сто „тиллей“ ***) золота, всего на сумму тысячъ десять рублей на русскіе деньги.

Узнавши о подобномъ решеніи атакмаръ Даулеть - Куль и его люди созвали совѣтъ, и постановили въ свою очередь не выплачивать такого дорогого „куна“, а если притязатели не помирятся на $\frac{1}{3}$ запрашиваемаго „куна“, то решить споръ оружіемъ; такъ какъ „кунъ“ несравнѣнъ съ установленными обычаями и прежними платежами за такіе-же случаи.

) Кунъ — выкупъ.

**) Тиллі равна 4 рублемъ.

Джигитъ, убитый въ „кокъ-бури“ былъ не изъ богатаго рода; иное дѣло если-бы онъ былъ сынъ бая, или старшины или судьи и т. д.; однимъ словомъ изъ привилегированнаго сословія, „а то изъ бишары“, говорили старики рода Ходжи. Нѣтъ за такой кунъ полсотни джигитовъ окупится! Лучше „урушъ!..“

— Воевать такъ воевать,— отвѣчала молодежь рода Ходжи. Если одинъ несчастный случай вышелъ на „кокъ-бури“ и они не хотятъ мириться, то пусть сотня изъ нихъ погибнетъ и куна не получатъ!

Объ этомъ отказѣ узнала претендующая сторона и просила на помощь соѣднія бекетва и атакмарства большаго ханства, противъ рода Ходжи, помочь о восстановленіи правъ на кунъ за погибшаго джигита.

III.

Кочевые киргизы вообще народъ неспокойный, изъ-за мелочей, иногда выходять серьезныя распри. Соѣднімъ ордынцамъ подобное несоглашеніе очень важно было имѣть, именно въ томъ случаѣ, чтобы за счетъ другихъ можно было побарантовать въ степи барановъ, лошадей и верблюдовъ. Пока Даулеть-Куль вѣль переговоры о „кунѣ“, въ степи уже организовались партіи съ оружіемъ изъ другихъ родовъ, и подъ шумокъ барантовали скотъ въ атакмарствѣ рода Ходжа. Тысячи три собралось такихъ барантачей и наводили ужасы на всю кочевую степь.

И вотъ въ одну изъ темныхъ ночей въ аулѣ рода Ходжа, гдѣ жилъ Насанъ-бай, была произведена тревога. Прѣхалъ джигитъ и сильнымъ крикомъ „айдотъ, урушбаш!“ *) разбудилъ весь аулъ. Вставшіе съ просонья

*) Карауль! Воры, душегубы.

кочевники узнали, что соседний ауль разграбленъ, и скотъ и имущество увезено барантачами. Вопль, крикъ и шумъ женщинъ и дѣтей поднялся невообразимый въ аулѣ. Наступило утро, аулъ остался цѣлъ, барантачи уже скрылись. Въ такихъ набѣгахъ угнанный скотъ и имущество стараются угнать и увезти какъ можно далѣе въ степь, или скрыть въ горы.

Первая баранта обошлась безъ человѣческихъ жертвъ съ той и другой стороны, еще люди не такъ были обозлены, озвѣрены, а дальше необходимо было ожидать и кровопролитія, такъ какъ всѣ аулы насторожились и каждую ночь образовывали дѣйствующіе пикеты и партіи на охрану атакмарства.

Слѣдовательно жители Даулеть-Кула понесли материальный ущербъ; и за виновность всего рода, пришлось отвѣтить только своимъ имуществомъ двумъ-тремъ ауламъ; тогда какъ при уговорномъ кунѣ каждая кибитка платить по раскладкѣ приходящуюся часть куна на весь родъ.

Неудача въ защитѣ имущества въ интересахъ жителей атакмарства, отразилась на Даулеть-Кулѣ. Возбужденіе роело и образовалась партія противъ правителя, котораго захотѣли смѣстить или же отъ него отложить массою и искать защиты у болѣе сильнаго рода. Къ послѣдней партіи примкнулъ и Насанъ-бай.

Около четырехсотъ кибитокъ собрались сняться съ кочевокъ атакмарства, и избрали себѣ миньбашу *), эссаула **), для партіи военной охраны движенія перекочевниковъ, подъ управлениемъ коихъ направили путь къ сторонѣ прежняго жилища Насанъ-

бая, ближе къ берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи и горамъ.

Общимъ постановленіемъ старшинъ, вновь образовавшагося степнаго перекочевническаго табора, въ эссаулы военнаго отряда, то есть человѣкъ двѣсти джигитовъ, былъ избранъ Насанъ-бай, на коего и возложили караульно-сторожевую службу во время переѣзда каравана и стоянки на колодцахъ.

Даулеть-Кулъ узналъ обѣ образовавшейся противъ его партіи подъ управлениемъ миньбashi Аманъ-бая, но атакмаръ былъ бессиленъ воспрепятствовать откочеванію своихъ подданныхъ; такъ какъ въ этой партіи все были люди уважаемые и богатые, старшины и „казіи“ *), а надѣяться на молодежь своихъ „малаекъ“ **), нечего. Онъ полагалъ найти помошь у соудей, кои еще были съ чимъ связаны разными дружелюбными обязательствами. Но тѣ, узнавъ, что отъ него отказывается большая часть народа, да еще и у самихъ завязалось много распрай и барантъ, отказали ему въ помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился слухъ, что все дальнія стада атакмара были угнаны барантачами. И остался атакмаръ Даулеть-Кулъ съ одними своими женами, нѣсколькими младенцами и съ десяткомъ лошадей.

Наконецъ, атакмаръ рѣшился на послѣднія средства и обратилъся къ одному изъ степныхъ разбойниковъ, живущаго грабежомъ каравановъ проходящихъ по степнымъ дорогамъ, нѣкоему Батырбаю, уговаривая этого батыря съ своими людьми пограбить возмутившихся противъ его господства, подстеречь непослушныхъ въ одномъ пустынно-бездонномъ

*) Тысячначаильникъ.

**) Эссауль помощникъ и начальникъ отряда войскъ.

*) Судьи.

**) Слуги.

мѣстъ, на той дорогѣ, куда они хотятъ направить перекочеваніе.

— Если не совѣтъ задержимъ „гауровъ“, то отнимемъ у нихъ скотъ и имущество, уговаривалъ Даулеть-Кулъ степного шакала разбойника Батырбая.

— Я рѣшуясь дѣйствовать за одно съ вами, таксыръ **), если вы согласитесь двѣ трети отнятаго имущества у народа, подъ начальствомъ Аманъ-бая, отдать мнѣ и моимъ людямъ? — поставилъ вопросъ атакмару разбойникъ.

Даулеть-Кулъ подумалъ немного и, какъ утопающій хватается за послѣднее спасеніе—плывущую соломинку, такъ и онъ рѣшился на сдѣлку съ разбойникомъ Батырбаемъ.

— Я согласенъ дать двѣ трети ихняго имущества,—сказалъ Даулеть-Кулъ.

Сговорившись, такимъ образомъ, рѣшились человѣкъ полсотни стеречь проходъ партіи Аманъ-бая по степи. Это не ускользнуло отъ наблюдательности минбashi и эссаула Насанъ-бая; къ послѣднимъ пріѣхалъ со стороны атакмара джигитъ Даулеть-Кула перебѣжчикъ, который и далъ знать объ условіяхъ союзниковъ противъ вновь организованного общества.

Перекочевники общею массою тронулись съ насиженныхъ колодцевъ на новыя мѣста, принимая всѣ предосторожности въ пути отъ набѣга шайки, подговренной атакмаромъ.

Человѣкъ пятьдесятъ хорошо вооруженныхъ „атагачами“ и „мултуками“, батиками, луками и бердышами, въ видѣ топориковъ,ѣхали впереди каравана, изрѣдка разъѣзжая кресты на три впередъ и въ стороны для обозрѣнія мѣстности вдоль дороги;

**) Таксыръ—господинъ.

небольшими партіями разсыпались по бокамъ и въ арьергардѣ, и словѣкъ сто замыкали неспѣшное шествіе верблюдовъ и стадъ барановъ.

Всѣ люди были сильные и болѣе или менѣе вооружены включительно до подростковъ и женщинъ.

Первая остановка послѣ дневнаго перехода обошлась благополучно.

Но утромъ на зарѣ изъ каравана люди замѣтили человѣкъ пять верховыхъ всадниковъ, показавшихся съ праваго крыла, кои увидавъ вставшихъ людей каравана, помчались отъ послѣдняго обратно въ степь. Это было замѣчено со стороны „караванъ-баша“, который и распорядился послать въ погоню нѣсколько человѣкъ джигитовъ и Насанъ-бая.

Эссаулъ и его люди бросились въ догонку за показавшимися людьми въ степи; отъ послѣднихъ отдѣлился одинъ и махалъ шапкою Насанъ-баю давая знать, что онъ изъ мирныхъ и хочетъ говорить о дѣлѣ. А когда сѣхались вмѣстѣ, то въ пяти людяхъ Насанъ-бай узналъ Назарь-бая, одного изъ родичей ауловъ другихъ старшинствъ, кои остались въ партіи Даулеть-Кула.

Послѣ нѣсколькихъ словъ всѣ поѣхали къ каравану и въ собраніи старшинъ передалъ Назарь-бай, что не стоитъ откочевывать въ другое мѣсто, а необходимо остататься здѣсь и дать разбойнику Батырбеку съ атакмаромъ битву, которой и рѣшить судьбу народа.

— Меня послали съ четырьмя человѣками настичь васъ, и изъявить согласіе остальныхъ старшинствъ дѣйствовать за одно съ вами, противъ атакмара Даулеть-Кула, и что они признаютъ Аманъ-бая своимъ главою, и готовы

дать ему людей человѣкъ пятьдесятъ на войну съ атакмаромъ и его сообщникомъ Батырбекомъ, говорилъ Назаръ-бай.

Старшины каравана съ Насанъ-баемъ согласились на его предложеніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Назаръ-бай тутъ-же послалъ своихъ людей къ остальнымъ старшинамъ съ извѣстіемъ и съ требованіемъ обѣщанного числа джигитовъ на дѣло противъ Даулеть-Кула и его слугъ.

Назаръ-бай былъ предупрежденъ объ этомъ прежде, отвѣчалъ, что старшины не знаютъ гдѣ находится Даулеть-Куль съ Батырбекомъ, а что касается высылки людей въ партіи миньбashi и Аманъ-бая, то онъ сейчасъ-же разошлетъ своихъ людей къ старшинамъ въ аулы за джигитами.

Аманъ-баю, старшинамъ и Насанъ-баю только этого и надо было.

Повѣренный отъ оставшихся старшинъ разослалъ своихъ джигитовъ въ разные аулы, и къ вечеру прибыло человѣкъ пятнадцать вооруженныхъ людей на усиленіе партіи Насанъ-бая.

Въ виду мирнаго и обоюднаго соглашенія всего общества рода Ходжа, противъ старого атакмара, караванъ на первомъ-же ночлегѣ сталъ дожидаться прибытія остальныхъ джигитовъ для военнаго дѣйствія, и къ вечеру другаго дня все люди, даже болѣе чѣмъ пятьдесятъ, обѣщанныхъ джигитовъ, съѣхались къ миньбashi Аманъ-баю и каравану, какъ условлено съ Назаръ-баемъ.

Послѣ этого Аманъ-бай былъ объявленъ главою всего рода Ходжа, подъ названіемъ миньбashi.

Общимъ совѣтомъ рѣшили: самыхъ лучшихъ джигитовъ съ хорошимъ вооруженіемъ послать на поиски атакмара и его со-

общниковъ, и если его невозможна будетъ взять въ плѣнъ или убить, то стараться угнать далѣе въ степь и лишить, по возможности, имущества.

Партія отборныхъ джигитовъ захвативъ съ собою недѣльные запасы лепешекъ и ячменя, отѣхала отъ каравана для розысковъ атакмара Даулеть-Кула и его сообщника, коего и нашли въ полуторадневномъ разстояніи пути отъ каравана,

Насанъ-бай дружнымъ натискомъ на лагерь Батырбека засталъ Даулеть-Кула врасплохъ и разбилъ ее на голову. Человѣкъ тридцать разбойниковъ было убито, въ числѣ коихъ и Батырбекъ, а Даулеть-Куль при первомъ-же натискѣ большаго числа непріятеля, хватилъ большую дозу опія, отъ которой тутъ-же умеръ, не вынеся послѣдняго удара судьбы по смыщенію его съ многолѣтняго атакмарства.

Оставшіеся разбойники разѣхались въ разныя стороны своихъ родовъ, а общество кочевниковъ рода Ходжа возвратилось на свои колодцы, и зажило мирною жизнью по разводу скотоводства, подъ управлѣніемъ миньбashi Аманъ-бая, отдавая изрѣдка дань ханскимъ яучамъ и сборщикамъ податей; но и отъ послѣднихъ имъ не легко жилось, потому именно, что внутреннія раздоры не прекращались, а ханскіе люди ихъ не защищали отъ враговъ. Вслѣдствіе чего родъ Ходжа перекочевалъ ближе къ Уралу и попросилъ подданства бѣлаго Царя Россіи, который ихъ благосклонно принялъ подъ свое покровительство.

Съ тѣхъ поръ народъ этотъ смылся съ другими обруѣтыми родами приуральскихъ киргизъ и живетъ богато скотоводствомъ и земледѣльчествомъ до сихъ поръ.